

Самая верхняя скульптура пристально смотрела на Ся Минчи. Крошечный котёнок, прижавшийся к ветке, казалось, был напуган до смерти: он весь дрожал и издавал отчаянный жалобный писк.

Скульптура с громким щелчком раскрыла челюсть. Возможно, вид Ся Минчи привел её в такой восторг, что она перестаралась: в месте соединения левой части нижней челюсти и щеки внезапно пролегла трещина, и подбородок повис на честном слове.

Она протянула руку, пытаясь схватить кота.

Вот он, этот момент!

Кот, только что дрожавший от страха, мгновенно преобразился: его мордочка исказилась от ярости, показались острые клыки. Словно маленький леопард, бросающийся на добычу, он вцепился когтями в лицо скульптуры, вонзив их глубоко в стык между мягкой глиной и стеклянным шариком.

Резкий рывок!

Два стеклянных шарика вылетели из глазниц, оставив на лице скульптуры лишь черные провалы.

Ся Минчи подпрыгнул и с размаху ударил скульптуру ногой в лицо!

Верхняя фигура потеряла равновесие, схватилась за лицо и повалилась назад, увлекая за собой остальные.

Ся Минчи поспешно проскочил через пролом в стене.

В фотостудии было тихо, скульптур-людей нигде не было видно. Ся Минчи выдохнул с облегчением и заметил у входа мужчину, сидевшего на корточках в серой рубашке и розовой юбочке.

Лу Жэньюань услышал шум, обернулся и, обрадованно понизив голос, спросил:

— Ты вернулся?

Ся Минчи не удостоил его ответом. Он вытер лапы о коврик у двери, спрятал жетон в наполнитель для кошачьего туалета, а затем запрыгнул на диван.

Мужчину совершенно не интересовало, что именно принес в зубах кот. Он разочарованно понурил голову и проворчал:

— Я тут специально сидел, ждал, чтобы дверь тебе открыть, а ты, оказывается, через дыру в стене пролез.

Ся Минчи принялся вылизывать лапу — правая горела огнем.

— Но ты не переживай, пока я здесь, эти скульптуры не посмеют войти, — Лу Жэньюань придвинулся к коту, напрашиваясь на похвалу.

Очевидно, после ухода Ся Минчи он привел себя в порядок, но верхние пуговицы на рубашке оставил расстегнутыми. Наклонившись, он открыл глубокий вырез.

Разумеется, кот не желал иметь с ним ничего общего и не сводил глаз с передней лапы.

Лу Жэньюань заметил неладное:

— Ой, у тебя кусочек коготка пропал!

Должно быть, когда он выковыривал стеклянные глаза, переусердствовал и вырвал когти. На месте ранки виднелась нежная розовая плоть, сочилась кровь.

Пластырь не наклеишь, придется использовать слюну — говорят же, что она дезинфицирует и останавливает кровь?

Ся Минчи лизнул лапу пару раз.

Лу Жэньюань долго рылся в вещах Шэнь Тин, наконец нашел аптечку, достал йод и вату, а затем осторожно взял Ся Минчи на руки. В этот раз кот не стал сопротивляться.

— Потерпи немного, — Лу Жэньюань сжал пушистую лапку и принялся аккуратно обрабатывать рану.

Йод сначала охлаждал, а потом начал жечь. Ся Минчи не выдержал и вздрогнул, но вскоре боль утихла.

Лу Жэньюань перевернул Ся Минчи, уложил его на спину себе на колени и с широкой улыбкой произнес:

— Ну что, котик, я сегодня и дверь тебе открыл, и рану обработал. Как отблаговаришь меня?

Ну началось...

— Поспи со мной, — мужчина потрепал кота по мордочке.

Что?! Хорошо, что я кот, а не человек, подумал Ся Минчи.

Лу Жэньюань погладил его по шерстке, и веки кота потяжелели. Он словно провалился в мягкую вату, чувствуя невероятное расслабление. Ся Минчи был так измотан, что не спал уже несколько дней.

Так он и потерял сознание.

Проснувшись, он обнаружил, что Лу Жэньюань ушел, а Шэнь Тин и Чжао Цзюй завтракают. Ся Минчи осмотрел лапу: новый коготь еще не отрос, но рана затянулась. Неужели йод в этой игре обладает такими чудодейственными свойствами?

Вспомнив о жетоне, Ся Минчи отправился к лотку. Покопавшись в наполнителе, он убедился, что тот на месте. С жетоном в зубах он подошел к ногам Чжао Цзюй. Она наклонилась и спросила:

— Сяо Ся, ты хочешь что-то мне дать?

Ся Минчи кивнул и положил жетон на пол.

Увидев предмет, отливающий металлом, Чжао Цзюй не поверила своим глазам. Она подняла его, стряхнула прилипший наполнитель и начала судорожно поглаживать. Дыхание её участилось, лицо побледнело, в носу защипало, а на глазах выступили слезы.

Шэнь Тин, испугавшись такой реакции, поспешно протянула ей салфетку.

— Что случилось? Что это такое?

Чжао Цзюй дрожала, крепко сжимая жетон в кулаке.

— Это кулон с ошейника... Это кот моей учительницы!

Шэнь Тин не понимала, почему маленький жетон вызвал у Чжао Цзюй такую бурю эмоций, но, будучи чутким человеком, она мягко похлопала подругу по спине, прося её успокоиться и рассказать всё по порядку.

Чжао Цзюй начала:

— Помнишь, я вчера рассказывала про женщину, которая покончила с собой в четвертом корпусе?

— Помню.

— Эта женщина была моей учительницей рисования в старшей школе, её звали Чэнь Лин. А кота звали Линдан.

Чжао Цзюй разжала ладонь: на жетоне были выгравированы кличка кота и контактные данные хозяйки.

— В классе она была очень строга к ученикам, но в жизни — как старшая сестра. Такая прекрасная, такая талантливая... Потом учительница погибла в своей мастерской. Многие говорили, что это самоубийство, но я не верю. Чэнь Лин любила жизнь. Незадолго до трагедии она говорила мне, что планирует поехать с друзьями на пленэр. Она собиралась участвовать в конкурсе с картиной Семь подсолнухов, где каждый цветок тянется к солнцу. Разве может такой человек внезапно покончить с собой?

Ся Минчи вспомнил картину, которую видел в студии Цзян Таня — должно быть, это и была работа Чэнь Лин.

Чжао Цзюй вытерла слезы и продолжила:

— С тех пор мне часто снится, что учительница приходит ко мне. Мы разделены странным барьером... Он красный, с горизонтальными и вертикальными линиями, похожими на странные символы. Чэнь Лин постоянно бьет по этому барьеру. Я не слышу, что она говорит, но знаю: она просит меня спасти её. Я обращалась ко многим мастерам, все они говорили, что душа Чэнь Лин все еще в Арт-пространстве, но где именно — определить невозможно. Сказали, что только если тот, кто погубил её, искупит вину своей кровью, можно будет установить связь и найти её.

Красный барьер, странные символы... То, что заточило Чэнь Лин, должно быть, и есть печать Цзян Таня! Иначе как бы его личная печать оказалась прямо в центре картины? А тот, кто должен искупить вину кровью, — это У Сяо.

Чжао Цзюй спросила:

— Сяо Ся, где ты нашел этот жетон?

Ся Минчи запрыгнул на стол и кончиком хвоста указал в сторону второго корпуса.

— Цзян Тань?! — Шэнь Тин испугалась, вспомнив, как он приходил к ним с придирадками.

Котенок утвердительно кивнул.

Чжао Цзюй усмехнулась:

— Я тогда еще подозревала, что он причастен к её смерти, но, к сожалению... У семьи Цзян есть деньги и власть, они замяли это дело.

Ся Минчи укусил Чжао Цзюй за рукав, потянул её и снова указал на второй корпус.

— Ты хочешь, чтобы я сходила к Цзян Таню и проверила?

— Мяу! — ответил рыжий котенок.

Чжао Цзюй призадумалась:

— Ты нашел в его мастерской что-то еще... связанное с моей учительницей?

Ся Минчи снова кивнул.

Шэнь Тин заволновалась:

— Цзян Тань — ужасный человек. Сяо Цзюй, как ты собираешься туда идти?

Чжао Цзюй ответила:

— Днем Цзян Тань в студии, туда точно не пробраться. Ночью мы заставим У Сяо приказать его скульптурам отвлечь Цзян Таня, а я тем временем проберусь внутрь.

— Я пойду с тобой! — Шэнь Тин, несмотря на страх, не могла оставить подругу одну и вызвалась добровольцем.

— Спасибо, но ночью снаружи слишком опасно. Лучше я одна.

Шэнь Тин, получив отказ, надулась:

— Нет! Ты моя лучшая подруга в этом Арт-пространстве. Ты приходила ко мне, когда мне было трудно, теперь моя очередь помогать тебе. Если пойдешь одна и что-то случится?

Чжао Цзюй, не в силах переспорить подругу, согласилась. Сначала нужно было найти У Сяо.

Ся Минчи следовал за Чжао Цзюй. Ему не терпелось узнать, как отреагирует У Сяо, узнав, что его заставляют искупать вину за содеянное.

Чжао Цзюй стучала в дверь долго, но никто не открыл — случай редкий. Она повернула ручку, дверь была не заперта, и она вошла.

У Сяо лежал на диване, бледный как полотно. Рукава были закатаны, бинты с запястий исчезли, а порезы все еще кровоточили — видимо, он только что остановил кровь.

Чжао Цзюй ахнула:

— У Сяо?

У Сяо промолчал, лишь взглядом указал на шкаф. Чжао Цзюй сразу всё поняла, открыла дверцу, достала коробку с препаратом для кроветворения, вскрыла её и поднесла к его губам.

Выпив две ампулы, У Сяо немного порозовел.

— ...Я потерял сознание...

Чжао Цзюй перешла к делу:

— Сегодня ночью ты прикажешь своим скульптурам заблокировать Цзян Таня.

— Н-не надо его злить... — У Сяо отказался, явно понимая, что Цзян Тань — человек опасный.

— Я иду в его студию искать улики, связанные со смертью моей учительницы. И твое нынешнее состояние — разве оно не началось после её ухода? Может, если мы найдем её душу или выясним истинную причину её смерти, ты сможешь исцелиться.

У Сяо задрожал:

— Н-найти душу... это значит увидеть призрака...

— Ты обязан помочь, — Чжао Цзюй достала из кармана карманные часы, начала раскачивать их перед глазами У Сяо и снова ввела его в транс. — Ты же её ученик... Она так много для тебя сделала...

Глаза У Сяо остекленели:

— Я помогу... Но обожженная глина... н-не слушается...

— Тогда корми их кровью еще больше, иначе навсегда попрощаешься с остатком своего языка, — пригрозила Чжао Цзюй тоном, не допускающим возражений.

Глава 14: Любопытство сгубило кота

Мастерская Чжао Цзюй находилась ближе к комнате Цзян Таня, поэтому девушки решили остаться там.

Шэнь Тин погладила кота по голове:

— Сяо Ся, будь умницей, сиди здесь, не выходи.

Ся Минчи опасался, что если случится непредвиденное, Шэнь Тин и Чжао Цзюй не справятся, поэтому вцепился в рукав Шэнь Тин, посмотрел на неё жалобными глазами и тихо мяукнул.

У Шэнь Тин сердце сжалось от жалости:

— Сяо Ся, ты боишься, да?

— Мяу! — слабый, несчастный, беспомощный котенок.

Эх, как она могла быть такой жестокой и оставить беззащитного кота одного!

Шэнь Тин сказала:

— Ладно, сегодня ночью ты идешь с нами, но будешь сидеть тихо-тихо у меня в капюшоне.

После полуночи Цзян Тань вышел из комнаты. Как и планировалось, У Сяо приказал своим скульптурам привлечь его внимание.

И правда, скульптуры, взявшись за руки, выбежали прямо перед ним. Под светом фонаря Цзян Тань выглядел озадаченным. Они с У Сяо всегда старались не переходить дорогу друг другу, и скульптуры обычно не смели его трогать. Что происходит?

Цзян Тань высунул язык, лениво облизнул руку и стал ждать, пока скульптуры уступят ему дорогу.

У Сяо последовал совету Чжао Цзюй и скормил им еще больше крови. Теперь у скульптур на губах запеклась кровь, а нижняя часть лица была сплошь красной — в свете фонарей они напоминали демонов из ада.

Скульптура медленно наклонилась, подняла камень и внезапно швырнула его в Цзян Таня. Камень попал прямо в лоб.

Цзян Тань, не ожидавший такого поворота, вскрикнул:

— Мяу... у-у!

Скульптуры радостно захлопали. У них не было голосовых связок, поэтому они беззвучно прыгали под деревьями.

Цзян Тань пришел в ярость. Волосы встали дыбом, из горла вырвался низкий рык, глаза сверкали злобой. Это было предупреждение, угроза.

Но скульптурам было плевать: еще одна фигура подняла камень и кинула в него. Цзян Тань увернулся.

Оттолкнувшись задними лапами, он, словно голодный тигр, набросился на обидчика, повалил его, и остальные скульптуры тут же окружили Цзян Таня.

У Сяо, очевидно, все еще боялся влияния семьи Цзян и не смел причинить Цзян Таню серьезного вреда, поэтому приказал скульптурам лишь рвать его одежду и волосы.

Пока они дрались, Чжао Цзюй и Шэнь Тин перешли к действиям. Несмотря на страх, Шэнь Тин пересилила себя и, взяв Чжао Цзюй за руку, отправилась на поиски.

Девушки на максимальной скорости добежали до мастерской Цзян Таня, открыли окно и забрались внутрь. Ся Минчи выпрыгнул из капюшона Шэнь Тин и взял на себя роль проводника.

Чучело кота и картина нашлись быстро. Чжао Цзюй уставилась на них, плотно сжав губы.

— Это вещи Чэнь Лин? — спросила Шэнь Тин.

Чжао Цзюй кивнула, одной рукой схватила чучело, другой — картину. Но картина была слишком большой и тяжелой, самой ей было не справиться.

— Хорошо, что ты пришла мне помочь, — с благодарностью сказала Чжао Цзюй.

Шэнь Тин не стала тратить время на любезности, посадила кота обратно в капюшон и, подхватив нижний край картины, бросилась к окну. Будучи фотографом, она привыкла таскать оборудование, поэтому, несмотря на хрупкий вид, справилась легко.

На аллее Цзян Тань все еще сражался со скульптурами, не замечая, что происходит в его студии. Его одежда была в лохмотьях. Сначала он трусил, не понимая, чего от него хотят эти твари, но вскоре понял, что они боятся причинить ему вред, и осмелел.

Эти грязные куски глины смеют нападать на него!

Цзян Тань схватил валявшийся рядом железный прут и со всей силы ударил по голове одной из скульптур. Та треснула, глина посыпалась, стеклянный глаз выпал, вставные зубы вылетели, обнажив металлический каркас.

Цзян Тань, который давно не занимался спортом, выдохся после долгой потасовки. Он отбежал от скульптур к фонтану, вытянул шею и начал жадно лакать воду.

Скульптуры же собрали свои обломки, стеклянные шарики и зубы, подхватили останки товарища и быстро ретировались. Когда Цзян Тань, напившись, вернулся на аллею, там уже никого не было — словно всё это было лишь сном.

Девушки вернулись в мастерскую Чжао Цзюй. Она больше не могла сдерживать эмоции: глядя на чучело, она рыдала навзрыд.

— Домашний кот учительницы... Линдан... — всхлипывала она.

Шэнь Тин, сама будучи владелицей питомца, при виде жалкого облика Линдана тоже не смогла сдержать слез, представляя, сколько мучений пришлось пережить коту перед смертью.

Чжао Цзюй погладила картину:

— Это работа учительницы, я узнаю её... Постойте, а что это за печать?!

Она разглядела, что именно там написано, и её взгляд стал холодным.

— Ха, бесстыдный Цзян Тань, он посмел поставить свою печать на картине Чэнь Лин.

Ся Минчи спрыгнул с рук Шэнь Тин и пару раз провел когтями по печати — красный след немного размылся. Нужно убрать эту дрянь, только тогда Чэнь Лин сможет появиться.

Чжао Цзюй осенило, она вспомнила свой сон:

— Мне нужно срочно убрать печать, учительница должна быть запечатана внутри!

— Штемпельная краска на масляной основе, растворитель её возьмет, но он растворит и краски на самой картине... — говорила Чжао Цзюй, роясь в шкафу.

— Что ты ищешь? — спросила Шэнь Тин.

— Скипидар и ватные палочки.

Найдя нужное, Чжао Цзюй заколебалась:

— Цзян Тань такой коварный, чтобы спасти учительницу, придется повредить её работу... Но выбора нет!

Она налила скипидар в блюдце, обмакнула ватную палочку и начала аккуратно протирать красную краску. Размочив её, она сухой палочкой стерла след. И так раз за разом.

Чжао Цзюй работала с невероятной тщательностью — в её глазах это была не просто очистка, а реставрация величайшей ценности. Как только исчез последний красный след, Чжао Цзюй выдохнула.

Шэнь Тин радостно воскликнула:

— Отлично! Наконец-то!

Из того места, где была кровь и печать, вырвался свет, постепенно принимая человеческие очертания. Когда сияние погасло, Ся Минчи наконец увидел её: женщина в белом платье с черными волосами до пояса, с мягкими и нежными чертами лица. Чэнь Лин.

Чжао Цзюй со слезами в голосе закричала:

— Учительница Чэнь! — она бросилась к ней, но руки прошли сквозь тело — она схватила пустоту.

Чэнь Лин, увидев Чжао Цзюй, была одновременно потрясена и обрадована. Она вытирала слезы:

— Сяо Цзюй уже выросла выше меня... Встреча — это такое счастье, почему же ты плачешь?

Заметив Шэнь Тин, она спросила:

— Это твоя новая подруга?

— Да! Это она помогла мне вернуть вас.

Чэнь Лин улыбнулась Шэнь Тин:

— Как хорошо. Я всегда переживала, что ты ни с кем не подружишься, теперь я спокойна...

Затем она посмотрела на Ся Минчи. Их взгляды встретились. Чэнь Лин не открывала рта, но Ся Минчи услышал её голос:

— Спасибо тебе.

Ся Минчи понял — это признание того, что задание выполнено.

Чжао Цзюй спросила:

— Учительница, что тогда произошло? Как вы оказались в картине? Я видела, как вы ссорились в студии с Цзян Танем, это всё он? Чего он хотел?!

Чэнь Лин вздохнула, её мысли унеслись в прошлое:

— Мы познакомились с Цзян Танем на выставке, до этого знали друг друга только понаслышке. Позже он начал ухаживать за мной, но я отказала. У нас совершенно разные взгляды на искусство, как мы могли быть вместе? Он сказал: ладно, давай будем друзьями, откроем компанию, инвестируем в галерею, я буду помогать тебе продавать картины. Но мой интерес был в преподавании, я хотела, чтобы как можно больше детей полюбили живопись.

Ся Минчи удивился: неужели Цзян Тань совершил преступление из-за неразделенной любви?

Чэнь Лин продолжила:

— В тот день Линдан убежал к студии Цзян Таня. Я пошла искать его и услышала, как Цзян Тань разговаривает с незнакомцем. Ранее он говорил, что инвестиции — дело тонкое: не нужно

видеть то, что не положено, и слышать то, что не нужно. Я подумала, что родители ему не доверяют и не дают управлять семейным бизнесом, что же он затевает? Из любопытства я подслушала. Оказалось, он искусственно завышает цены на арт-объекты, чтобы отмывать деньги. В этот момент Линдан мяукнул, и Цзян Тань обнаружил меня...

Чжао Цзюй сжала кулаки, её лицо стало суровым:

— И он решил убить вас, чтобы скрыть правду?!

— Я была напугана, но Цзян Тань предложил мне выйти за него замуж. Сказал, что тогда его бизнес и секреты станут моими. Я отказалась. Записи не было, улики для доноса тоже. Через пару дней он снова пригласил меня в студию, сказал, что закрывает галерею и хочет инвестировать в мою студию, чтобы набрать больше учеников. Он принес мне кофе, я выпила его и потеряла сознание. А когда пришла в себя, то парила в воздухе над мастерской и видела, как сама лежу в луже крови с перерезанными венами.

<http://bllate.org/book/19766/1947032>